

П. А. ЛЯРСКИЙ

П. И. РЫЧКОВ КАК ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ГЕОГРАФ XVIII века

Наша отечественная география прошла большой и славный путь своего развития. Она все время была глубоко оригинальна, самобытна, оказывала значительное влияние на развитие мировой географической науки. Уже на заре научной географии наша страна выдвинула ряд выдающихся имен: сначала И. К. Кирилова и В. Н. Татищева, затем гениального М. В. Ломоносова и С. П. Крашенинникова.

К числу выдающихся географов XVIII в. относится и П. И. Рычков.

П. И. Рычков сыграл большую роль в деле развития географической мысли в России, в деле становления русской национальной науки. Его перу принадлежат 60 трудов, отличающихся, по словам А. С. Пушкина, «истинной ученостью и добросовестностью».¹ В них весьма полно, по тому времени, отражена география огромной территории нашей страны — всего юго-востока европейской части, значительной части Казахстана и Средней Азии. Вместе с С. П. Крашенинниковым П. И. Рычков является зачинателем регионального направления в географии. В его важнейшем труде «Топографии Оренбургской» впервые в мировой географической литературе применен сравнительный метод описания географии страны.

С именем П. И. Рычкова связан приоритет русской географической науки в страноведческом направлении. От С. П. Крашенинникова и П. И. Рычкова берет начало та классическая дореволюционная русская география, которая завершилась изданием «России... настольной и дорожной книги для русских людей».

В то время как С. П. Крашенинникову посвящена обширная литература, П. И. Рычкову как географу, напротив, не посвящено ни одного значительного исследования.² Некоторые его труды не опубликованы

¹ А. С. Пушкин, Соч., т. 9, 1938, стр. 389—390.

² В 1867 г. акад. П. Пекарским была издана книга «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова», в которой впервые была освещена его биография. Впоследствии П. И. Рычковым интересовались оренбургские краеведы (Р. Г. Игнатьев, В. Витевский, А. Попов), однако почти ничего нового к тому, что было дано П. Пекарским, они не прибавили. В последние годы П. И. Рычкову были посвящены 3 статьи советских ученых: статья И. С. Бака «Экономические воззрения П. И. Рычкова» (Ист. зап., № 16, 1945); статья Н. К. Каратаева «П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в.» (Вестн. АН СССР, № 3, 1950); статья Ф. Н. Милькова в его работе «Естественноиспытатели Оренбургского края» (1948). Основные положения этой статьи перенесены автором во вводную статью к изданной под его редакцией книге «Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неуструева» (1949). В первых двух статьях П. И. Рычков рассматривается как экономист, в последней как географ. В краткой статье Ф. Н. Мильков, конечно, не мог дать сколько-

до сих пор и оставались до недавнего времени совсем неизвестными, а среди них есть очень важные, положившие веку в развитии географии. Достоинство опубликованных географических трудов не было оценено достаточно полно, а в связи с этим не была достаточно рассмотрена и его роль в деле развития русской географии и становления русской национальной науки. Вместе с тем в имеющейся о нем биографической работе П. Пекарского не освещены важные моменты его биографии.

Все это делает вполне очевидным необходимость специального исследования о П. И. Рыкове, в котором были бы освещены отмеченные вопросы.

Настоящая работа и является попыткой такого исследования.

Работа написана на основании использования касающихся П. И. Рыкова разнообразных документов Архива АН СССР, Архива Института истории АН СССР, Рукописных отделов Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Библиотеки АН СССР, а также Центрального Государственного архива древних актов; оригинальных работ П. И. Рыкова, напечатанных и не напечатанных; опубликованной о П. И. Рыкове литературы; научной географической и исторической литературы.

Сознательная жизнь и деятельность П. И. Рыкова совпадают с двумя средними четвертями XVIII в. Для России это было время господства абсолютизма. В политической и экономической жизни страны главную роль играл помещик-феодал, являвшийся собственником производителя продукции — крепостного крестьянина. Но наряду с этим рос и развивался другой класс — купечество. Петровские реформы, представлявшие собой, по словам И. В. Сталина, своеобразную попытку «выскочить из рамок отсталости»,¹ дали значительный толчок развитию производительных сил страны.

Развитие производительных сил страны предъявляло громадный спрос к науке. XVIII век рассматривается как век становления русской национальной науки. Это же время можно считать и временем формирования русской географической школы. Уже в первой половине века получили развитие подлинно научные методы изучения страны: снаряжение специальных экспедиций, научное картирование. Тогда же были сделаны важные попытки составления обобщающих географических трудов, в том числе полного географического описания страны, и попытка оформления теоретических основ географии как науки.

Все же, несмотря на значительность проделанных работ — сравнительно большой экспедиционной деятельности и обширных геодезических съемок, завершившихся изданием нашей Академией Наук солидного атласа России (1745), многие районы страны к началу второй половины XVIII в. были известны очень плохо или не известны вовсе.

К этому следует прибавить и то, что ко второй половине века не было общего географического описания страны. Больше того, не было опубликовано на русском языке ни одного оригинального труда по отечественной географии суши. Потребность же в таких трудах

нибудь полную характеристику деятельности П. И. Рыкова и характеристику его трудов.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 249.

с каждым годом становилась все острее и острее. Дальнейшее развитие производительных сил, формирование всероссийского рынка, расширение государственных границ и прочее требовали от географии как общего географического описания страны, так и описания ее отдельных территорий. Последние могли служить надежными источниками для составления общей географии, справочной географической литературы.

В этой связи следует рассматривать появление гениальных географических идей М. В. Ломоносова, классического труда С. П. Крашенинникова. В этой же связи следует рассматривать и всю деятельность в области географии П. И. Рычкова.

I

Петр Иванович Рычков¹ родился 1 октября (ст. ст.) 1712 г. в г. Вологде. Отец его в молодости был вологодским площадным подьячим,² позже стал купцом, занимался перевозкой по северным рекам казенных товаров. В один из рейсов казенные товары погибли. На Рычкова-отца была начислена большая сумма для погашения государственного убытка, что привело его к полному разорению.

Детство и юность Рычкова прошли в тяжелых материальных условиях.

В 1720 г. Рычков-отец со всей семьей переехал в Москву. Чтобы облегчить материальное положение родителей, Петр Иванович уже подростком вынужден был искать себе заработка. В 1730 г. он работал управителем стекольных заводов под Петербургом, а через 2 года переехал в Петербург, где работал помощником бухгалтера при портовой таможне. На этой должности он оставался недолго. В 1734 г. организатор и начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов пригласил его в экспедицию в качестве бухгалтера.

На далекой оренбургской окраине прошла вся его последующая жизнь. Там он прожил почти безвыездно 43 года. Сначала был бухгалтером экспедиции, затем ее секретарем, помощником губернатора, начальником соляного правления губернии, а за несколько месяцев до смерти занял пост начальника горнорудной промышленности Урала. 10 лет Рычков прожил в своем селе Спасском, в 15 км от Бугульмы, не занимая никакого служебного места.

Умер Рычков 15 октября (ст. ст.) 1777 г. в Екатеринбурге.

Страсть к наукам у Рычкова проявилась рано. В восемь лет он умел читать и писать по-русски, по его словам — «умел уже нарочито». Отец намеревался сделать из него коммерческого человека. По приезде в Москву он отдал его учиться к Тамесу, тогдашнему директору московских полотняных фабрик. Рычков там за короткое время постиг арифметику, премудрости двойной бухгалтерии, а также освоил голландский и немецкий языки. Все это говорит о незаурядных способностях молодого Рычкова. Однако тяжелое материальное положение родителей заставило его бросить учебу и пойти работать.

¹ Биография П. И. Рычкова заимствована из его «Записок», опубликованных в «Русском Архиве» (1905, № 11), а также из его богатой переписки с Академией Наук, хранящейся в Архиве АН СССР, ф. 21, оп. 3, №№ 236—238 (в дальнейшем: ААН; фонд и опись не повторяются). Использована также указанная выше биографическая работа П. Пекарского.

² А. Попов. Петр Иванович Рычков. Труды Оренбургск. учен. арх. комиссии, вып. XXXIII, 1916, стр. 79.

Школой Рычкова стала сама жизнь и, прежде всего, Оренбургская экспедиция. Экспедиция, помимо военно-политических, имела научные задачи. В ее состав входили геодезисты, ученые. Первые ее начальники — И. К. Кирилов и В. Н. Татищев — были крупнейшими учеными первой половины XVIII в. Имея безграничную тягу к науке и стремясь оказать посильную помощь своему народу в деле изучения малоизвестного края, Рычков принял участие в исследовательской работе. Этому немало способствовало и то, что его непосредственные начальники — И. К. Кирилов и В. Н. Татищев, — имея его постоянно при себе, являли собой конкретный пример соединения административной службы с плодотворной научной работой, пример, которому Рычков, по характеру своей любознательной натуры, не мог не подражать.

Недостаток своих знаний Рычков пополняет за счет чтения разнообразных книг: читает древнегреческих и византийских писателей, достает восточные книги и переводит их на русский язык с помощью среднеазиатских ахунов и местных жителей, выписывает книги из Москвы и Петербурга, а позже и из-за границы.

Первыми настоящими его учителями были И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. В. Н. Татищев увидел в Рычкове человека с незаурядными способностями, самородка, из которого может вырасти крупный национальный ученый. Это привело к тому, что начальник экспедиции и ее секретарь становятся друзьями. Эта дружба и после отъезда из края Татищева (1739) продолжалась: переписка между ними не прекращалась до самой смерти В. Н. Татищева (1750)¹. Стараясь укрепить национальные кадры в Академии Наук, Татищев не раз предлагал Рычкова в почетные члены Академии.

В. Н. Татищев был подлинным научным руководителем Рычкова. Он давал ему задания, делал методические указания, как собирать и обрабатывать тот или другой материал, посылал ему различные книги или советовал, какие книги нужно достать для занятий по географии и истории. Вместе с тем Рычков был и деятельным помощником В. Н. Татищева: он посылал ему различные справки по истории Оренбургского края и Средней Азии, изъяснял различные слова и термины восточных языков, делал выписки из переводов арабских и персидских книг. В свою очередь В. Н. Татищев посылал Рычкову отдельные главы своей «Истории» и другие труды для «апробации», для дополнения и исправления. Рычков очень аккуратно выполнял задания Татищева, труды его копировал и только тогда возвращал назад.

Здесь будет уместно сказать, что благодаря Рычкову мы знаем некоторые труды В. Н. Татищева, в частности его «Лексикон»: он их сохранил в копиях, с которых потом они печатались.²

Труды и замечания В. Н. Татищева Рычков ценил очень высоко. «Я не только всякой вашего превосходительства манускрипт, как бы черно он ни написан был, — писал Рычков Татищеву, — но и те письма, где токмо поправление рукою вашего превосходительства приписанные есть, между моими книгами за сокровище имею...». Вместе с тем Рычков писал, что присланные ему Татищевым работы «в туне и бес-

¹ Часть переписки сохранилась в ААН (ф. 144, оп. I, № 5, 12; см. письма Татищева к Рычкову). В извлечениях она напечатана П. Пекарским в цитированной работе (стр. 14—26), откуда заимствованы приведенные здесь сведения о взаимоотношениях Татищева и Рычкова.

² См. письма П. И. Рычкова к Г. Ф. Миллеру от 18 и 28 февраля 1762 г. (ААН, № 236, письма за 1762 г., лл. 8, 10).

ПЕТР ИВАНОВИЧ РЫЧКОВ.

плодно не останутся, токмо дай боже, дабы я через отеческие ваши милости в такое состояние был приведен, чтобы в сих делах с лучшим способом и беззасорно простираться мог не для меня, но для пользы любезного отечества».¹

Свою научную работу Рычков начал в конце 30-х годов XVIII в. с переводов восточной литературы. В этом деле его роль сводилась лишь к организации и руководству. Однако он вскоре приступает к самостоятельным сочинениям. В начале 40-х годов он трудится над «Известиями о начале и состоянии Оренбургской комиссии», обнимающими период от 1731 по 1744 г.² В дальнейшем он пишет «Краткое известие о татарах» и два письма о коммерции (о торгах русских и промыслах, 1749). Во всех этих экономических сочинениях весьма значителен элемент географизма, представляющий их важное рациональное зерно.

Можно высказать и такое предположение, что Рычков в 1744 г. составил для правительственных целей описание соляных озер Оренбургской губернии.³

В 1741 г. при Оренбургской экспедиции (она тогда называлась уже комиссией) был учрежден «Географический департамент», в котором сосредоточивались все материалы исследовательской деятельности работников экспедиции и в первую очередь геодезистов. Департамент

¹ П. Пекарский, ук. соч., стр. 25—26.

² О том, что в указанное время Рычков работал над названным сочинением, можно судить по его письму к Г. Ф. Миллеру от 20 марта 1759 г. (ААН, № 236, л. 5). Рукопись этого сочинения, датированная 1744 г., хранится в ЦГАДА (Рукоп. отдел, № 52/72, 106 листов). Рукопись писана самим Рычковым и содержит на полях многочисленные пометки автора. На форзаце рукописи неизвестной рукой написано: «Известия о начале и состоянии Оренбургской комиссии до самого учреждения Оренбургской губернии с 1731 по 1744 год — собранные в Оренбурге секретарем Петром Рычковым, с приложением географических карт Азиатских тамошних владений». На титульном листе рукою самого автора написано такое заглавие: «Известия о начале и состоянии Оренбургской комиссии по самое то время, как она комиссия по высочайшему соизволению всепросветлейшия державнейшия великия государыни императрицы всероссийской целою губернией учинена, с некоторыми историческими и географическими примечаниями, касающимися до оной комиссии, следовательно до Оренбургской губернии. Собрано из происходящих по той комиссии дел в Оренбурге 1744 г.». Эта рукопись ранее находилась в Киргизкайсацких делах Архива Министерства иностранных дел, переведенных в 1918 г. в ЦГАДА, а в 1946 г. возвращенных обратно, и извлечена оттуда в Рукоп. отдел ЦГАДА. Упомянутый П. Пекарским (стр. 28) труд Рычкова «Описание города Оренбурга» есть не что иное, как эти «Известия». В марте 1758 г. этот труд вместе с продолжением Рычков послал в «Ежемесячные сочинения и переводы», где он и напечатан под заглавием «История Оренбургская» (январь—декабрь 1759 г.).

Судя по надписи на форзаце, к рукописи были приложены «географические карты Азиатских тамошних владений». Между тем ныне при ней находятся лишь планы городов Оренбурга с окрестностями (лл. 95 а—б) и Хивы (лл. 82 б—в), да карта пути от Орска до Хивы (л. 82 а), составленная геодезистом Муравиным. Это наводит на мысль о том, что, помимо указанных, были еще какие-то карты, которые ныне, вместе с рукописью, не хранятся. Сказанное подтверждается наличием в ЦГАДА в фонде карт Оренбургской губернии (№ 14) и в фонде атласов (№ 7) атласа из 12 карт действительно «Азиатских тамошних владений» (Оренбургской губернии и соседних с ней районов), датированного также 1744 г. Надо думать, что этот атлас и был приложен к труду Рычкова.

³ Что таковое было сделано, говорит замечание Рычкова на этот счет в первой части его «Топографии» (1762, стр. 219). Это описание вместе с чертежами озер и образцами илецкой соли в конце 1744 г. Рычков возил в Петербург (В. П. Витевский и И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе. Казань, 1897, стр. 618).

возглавил поручик геодезии Писарев.¹ Тогда же было решено составить генеральную карту края. Последняя была окончена в 1743 г.² Карта эта постепенно дополнялась и была приведена в более или менее удовлетворительное состояние, а затем отправлена в Сенат и Коллегию иностранных дел.³ Копию этой карты Рычков переслал В. Н. Татищеву. Вместе с картой был составлен атлас Оренбургского края из 12 карт (см. ниже).

Однако как в атласе, так и на генеральной карте было много неточностей. В связи с отсутствием специалиста (Писарев в это время из края выбыл) новые данные, поступающие почти непрерывно от геодезистов и других лиц, посылавшихся в разные места, в карты не вносились.

В 1752 г. в Оренбург был переведен прапорщик геодезии Иван Красильников, который до того времени занимался отводом земель крещеным калмыкам в Ставропольском ведомстве.⁴ Специальным решением губернской канцелярии от 9 декабря 1752 г. И. Красильникову вменялось в обязанность рассмотреть все имеющиеся при губернской канцелярии карты и описания при них и на их основании составить новую генеральную карту губернии и прилежащих к ней мест, «а особливо на полдень лежащих и далее в Азию простирающихся», и к ней еще 10 «партикулярных» карт. Это решение состоялось не только по инициативе, но и по распоряжению и при непосредственном участии Рычкова. Как раз в это время Рычков замещал отсутствовавшего губернатора.⁵

К картам Рычков решил приложить текст. Так родилась «Топография Оренбургская», первую часть которой Рычков закончил к концу 1754 г., поместив ее на оборотной стороне карт.

С написанием первой части «Топографии» Рычков оформился и как географ. С этого времени и до конца жизни география стала главным предметом его научных занятий.

В направлении научных занятий Рычкова важную роль сыграли как острая потребность развивавшегося общества в географическом описании страны и обстановка в крае, так и выход в свет академического атласа Российской империи и, наконец, сам В. Н. Татищев. В письме к Рычкову от конца декабря 1749 г. и специальном «Напомнении на присланное описание народов, что в географическом описании наблюдать нужно», приложенном к этому письму и явившемся ответом на сочинение Рычкова «Краткое известие о татарах», Татищев, по сути дела, наметил программу дальнейшей работы Рычкова по географии края.⁶ В письме, анализируя присланную ему Рычковым упоминавшуюся выше карту Оренбургской губернии, Татищев писал: «...весьма нужно при оных [при картах] описания, ибо все изобразить на картах неудобно». Этот совет Рычков несомненно использовал при работе над «Топографией».

¹ Оренбургская губерния по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» Рычкова. Оренбург, 1880. Предизвещение.

² Карта эта входит в состав указанного выше атласа Оренбургской губернии 1744 г.

³ Предизвещение к «Топографии».

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ И письмо и «Напомнение» опубликованы А. И. Андреевым в «Избранных трудах по географии России» В. Н. Татищева (1950, стр. 229—235). См. также: П. Пекарский, ук. соч., стр. 162—166.

С 1752 г., времени начала работы над «Топографией», и до конца жизни он написал большое количество географических сочинений: 2 части «Топографии» (1754, 1759), «Письма о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях» (1758), «О медных рудах и минералах» (1766), «Описание пещеры при реке Белой», «Описание илецкой соли», «О горючей угольной земле», «Ответы на экономические вопросы» и другие сочинения. Он много трудился над составлением «Топографии Астраханской губернии», привлекая к этой работе и своих сыновей (Николая и Ивана),¹ и над третьей частью «Топографии Оренбургской», куда намеревался включить описание Казахстана и Средней Азии.² Закончились его географические труды написанием фундаментального «Лексикона или словаря топографического Оренбургской губернии» (1777). Он много трудился над сбором минералогических и палеонтологических коллекций для Академии Наук, пересылал туда гербарии и семена местных диких и культурных растений, чучела редких животных. Осенью 1759 г. он организовал в Оренбурге постоянные метеорологические наблюдения и результаты их ежемесячно сообщал в Академию (пока жил в Оренбурге).³ При всем этом он трудился и для других наук, особенно истории. Он откликался своими сочинениями на все важнейшие политические события в крае (уход калмыков в 1771 г., восстание Е. И. Пугачева и другие). «Описание осады Оренбурга», сделанное Рычковым, служило для А. С. Пушкина одним из основных источников при написании им «Истории Пугачева». Об этом «Описании» А. С. Пушкин говорит как о любопытной рукописи, которая «отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной».⁴

В географических трудах Рычков испытал плодотворное влияние М. В. Ломоносова, с которым познакомился лично, возможно, еще в 1744 г., когда возил в Петербург «Описание соляных озер Оренбургской губернии» и образцы илецкой соли,⁵ и с которым состоял некоторое время в переписке.⁶ На рассмотрение Ломоносова он послал свою «Топографию», по его заданию он написал прекрасную статью «О медных рудах и минералах».

Определенную роль в научной деятельности Рычкова сыграл Г. Ф. Миллер; с ним Рычков переписывался в течение почти 20 лет. Однако роль Миллера в научной деятельности Рычкова нельзя переоценивать, как это сделал, например, П. Пекарский. По заданию Миллера Рычков написал лишь несколько малозначительных статей, как то: «О титуле белого царя», «О Чермной России». В основных географических, да и других работах Рычкова не видно никакой помощи или направляющей руки со стороны Миллера.

¹ См. его письма к Г. Ф. Миллеру от 1772 г. (ААН, № 237, лл. 101, 131—132, 140 и др.).

² Зап. АН, 1865, т. VII, стр. 128 (письмо Рычкова к Я. Я. Штелину от 8 августа 1772 г.).

³ ААН, № 236, письма за 1759 г., л. 33.

⁴ А. С. Пушкин, Соч., т. 9, 1938, стр. 400.

⁵ Соль эта как раз исследовалась Ломоносовым (см.: П. Е. Матвеевский. К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края. Отд. оттиск в Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина), так что случай для встречи был весьма подходящий.

⁶ Сохранившиеся два письма Рычкова к Ломоносову опубликованы в «Сочинениях» М. В. Ломоносова (т. 8, 1948, стр. 185, 192).

Миллер завязал переписку с Рычковым с целью использовать его труды в своих научных интересах. Позже он советовал Рычкову бросить всякое беспокойство по вопросам науки. «Зачем это вам, — писал он ему, — не лучше ли спокойно проводить свою старость дома и в своем семействе? По крайней мере я думал бы так, бывши на вашем месте».¹ К этому следует прибавить и то, что Миллер долгое время был академиком-секретарем и как таковой поддерживал переписку со многими академическими корреспондентами. В связи с этим переписку Рычкова с Миллером следует рассматривать как переписку Рычкова с Академией Наук. Это подтверждается и тем фактом, что их переписка носила почти исключительно научный характер.

В 1759 г. при Академии Наук по инициативе М. В. Ломоносова специально для Рычкова был учрежден класс корреспондента. По представлению Миллера Рычков был принят в корреспонденты Академии Наук. Он был первым и довольно долго единственным корреспондентом нашей Академии.

В 1765 г. Рычков был принят в члены Вольного экономического общества. Деятельность его как члена Общества отличалась тем, что была направлена на всестороннее изучение страны, на развитие ее производительных сил, на максимальное использование естественных ресурсов и природных условий, носила печать глубокого патриотизма. В «Трудах» Общества Рычков напечатал 35 статей на самые разнообразные темы, в том числе на такие, которые имеют большое значение для географической науки.

В 1773 г. Рычков стал членом Вольного Российского собрания при Московском университете.

Вся жизнь и деятельность П. И. Рычкова проникнута глубоким патриотизмом. Любовь к родине служила источником неиссякаемого трудолюбия. Не следует забывать, что Рычков почти всегда был занят по службе. Но, несмотря на это, он находил время для своих обширных и разносторонних научных занятий. Чиновник-канцелярист превратился в крупного ученого. Страсть его к наукам не имела границ. Будучи уже стариком, он был занят по нескольким «присутствиям» при губернской канцелярии: «при заграничных делах», «по башкирским и всем иновещеским делам», в соляном правлении. Вместе с тем он усиленно работал над историческими сочинениями, собирал материал для «Лексикона», для третьей части «Топографии» и прочее. И «сие меня никак не тяготит, — писал он, — ибо привык всегда что-нибудь делать или мыслить».² На склоне лет, лежа больным в постели, он думал о том, чтобы быть полезным родине. «Мое здоровье топерь не столько уже нужно для меня и для моих домашних, — писал он 9 февраля 1777 г., — разве не гожусь ли я сколько-нибудь для отечества».³

Научная работа Рычкова есть бескорыстный подвиг во имя любимой отчизны. Никаких материальных выгод за свои научные труды, буквально ни одной копейки, он не имел. Единственное, чего ему хотелось, — это того, чтобы труды его принесли пользу России, и положительный прием их всегда придавал ему силы, окрылял его.

Бескорыстному и честному служению родине он учил и своих детей. «Не нажитков и богатства искать, — писал он детям, — но простираться

¹ П. Пекарский, ук. соч., стр. 52.

² ААН, № 238, л. 143.

³ Там же, л. 188.

в честности и добродетели исполнением должностей по званию вашему... излишества не полезны, следственно и желать их не надо».¹

Вся жизнь Рычкова — это не только непрерывный труд, но и такая же непрерывная учеба. Девиз Рычкова — «век жить — век учиться и трудиться». Он имел обширную библиотеку. Еще в 1761 г. она состояла из 800 томов, впоследствии он ее непрерывно пополнял. Ему доставляли книги почти все его знакомые в Петербурге и Москве. Он получал даже иностранные газеты и был в курсе всей международной научной и политической жизни. В его библиотеке были книги древнегреческих и византийских писателей (Геродота, Птолемея, Константина Багрянородного), средневековых миссионеров (Плано Карпини, Рубрука), новейшие русские и иностранные сочинения по различным отраслям знаний, главным образом по географии и истории, многочисленные древнерусские летописи, восточные рукописи и их переводы и прочее.

Рычков поддерживал тесную деловую переписку со многими передовыми людьми тогдашней России, как учеными, так и государственными деятелями. Каждый ученый,² путешествуя по Оренбургскому краю, считал долгом своим и необходимостью заехать к Рычкову в надежде получить от него дельный совет относительно дальнейшего маршрута, надежного проводника и прочее.³ Рычков вполне оправдывал их надежды и со своей стороны старался использовать эти встречи для расширения своих знаний, для выполнения своих корреспондентских обязанностей. С адъюнктом Академии Наук Л. Ю. Крафтом, например, Рычков отправил в Академию до двух пудов минералогических образцов.⁴

В течение всей жизни в Оренбургском крае Рычков поддерживал тесное деловое общение с местными жителями. Своей научной деятельностью он внес живую струю в атмосферу затхлости и невежества местных чиновников, которые, как и многие крестьяне, крепостные, знали страсть Рычкова к науке и при случае оказывали ему помощь. Сведения и мнения простых людей Рычков ценил очень высоко. «Ежели б сказания простых деревенских жителей почитались всегда недостойными внимания, — писал он в одной из своих статей о пчелах, — то не только б в сельской экономии, но и во многих нужных вещах не дошли б искусные и просвещенные люди до такого совершенства, о котором ныне ведаем... Часто случалось и случается, что одна речь и еще не нарочно от простого человека выговоренная, была причиной самым ученейшим людям к полезным испытаниям и откровениям».⁵ Именно в связях с простыми людьми края Рычков черпал богатый фактический материал для своих многочисленных сочинений. Многие его сочинения (например статьи о пчелах) явились непосредственным обобщением народного опыта.

Рычков приобщил к науке ряд лиц, живших в Оренбурге (И. Красильникова, доктора Риндера и других), сделав их своими помощниками. Он постоянно заботился об их росте и самообразовании, поощряя их

¹ Русский архив, № 11, 1905, стр. 290.

² Во времена Рычкова (1768—1774) по разработанному Ломоносовым плану была предпринята серия так называемых академических экспедиций. Отряды И. И. Лепехина, П. С. Палласа и других проходили через Оренбургский край.

³ См.: Полное собрание ученых путешествий по Российской империи, т. III. 1821, стр. 144, 201—210; см. также: П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 1. Изд. 2, стр. 148 и др.

⁴ ААН, № 237, письма за 1769 г., л. 11.

⁵ Тр. ВЭО, ч. IX, 1767, стр. 2.

всеми имевшимися у него способами, снабжал их книгами.¹ Книгами он снабжал и других местных чиновников.² Одно время он пытался даже организовать в Оренбурге торговлю книгами.³

Рычков поддерживал тесную деловую связь не только с русскими поселенцами края, но и с коренным населением. Он стоял за культурное и хозяйственное сближение русских с коренным населением, призывал изучать историю местных народов по их же собственным источникам, а не по западноевропейским книгам, в которых «много невероятного написано».⁴

Рычков советовал русским парням жениться на туземных девушках, а туземным парням на русских девушках, «ибо они [туземные жители], посвоясь с россиянами, к земледелию гораздо могут быть склоннее и полезнее как для себя, так и для общества», — писал он при этом.⁵

Научная деятельность Рычкова проходила в чрезвычайно трудных условиях. Трудности обуславливались не только тем, что Рычков был почти постоянно занят по службе, но и неблагоприятным отношением к нему губернского начальства. Нарекания губернского начальства «в моих стараниях, — писал Рычков в 1757 г., — нередко самые лучшие случаи из рук у меня отнимают, ибо почитается то иногда за ненадобное, а иногда и должности моей за непринадлежащее».⁶ В 1760 г. он снова жаловался на то, что местное начальство ему «что далее, то более затруднительств чинит».⁷

Особенно трудно было работать Рычкову во время губернаторства тупого, но заносчивого немца Рейнсдорпа, любившего всякого рода подхалимов и готового жертвовать исторической правдой ради возвышения своего имени. Рычков же в своих трудах был в высшей степени добросовестен.

«Я люблю правду и не могу иначе не только писать, но и говорить», — писал он в одном из своих писем Г. Ф. Миллеру. В другой раз он прибавлял, что не может быть таким, как те, кто окружает губернатора: черное называют белым. В этом причина того, «для чего я часто выдерживаю огорчения и возбуждаю противу себя ненавистников добру».⁸ Рычков придерживался той точки зрения, что ученому «надобно больше смотреть и уважать будущее, нежели настоящее».⁹ Такая принципиальность в науке по тому времени требовала от Рычкова большого мужества. Все это и вызывало неприязненное отношение к нему со стороны губернатора и некоторых других губернских чиновников.

По социально-политическим взглядам Рычков был человеком своего времени. Прибыв в край в качестве мелкого чиновника, он в 1744 г. получил именование и превратился, таким образом, в помещика. Впоследствии он организовал промышленные предприятия (медные и спиртоводочные заводы, мельницы), был торгующим дворянином. Его социально-политические взгляды отражали эпоху разложения феодального строя.

¹ ААН, № 236, письма за 1760 г., лл. 7—8.

² Там же, № 238, л. 24.

³ Там же, № 237, л. 141.

⁴ П. И. Рычков. Краткое известие о татарах. ААН, разр. II, оп. 1, № 126.

⁵ Тр. ВЗО, ч. II, 1766, стр. 101.

⁶ ААН, № 236, письмо от 28 ноября 1757 г.

⁷ Там же, письма за 1760 г., л. 11.

⁸ П. Пекарский, ук. соч., стр. 139, 141.

⁹ ААН, № 238, л. 59.

Наряду с прогрессивными и разумными идеями в его взглядах были и реакционные положения, характеризующие его как ревностного крепостника.

II

Крупнейшим трудом П. И. Рычкова вообще и географическим в частности является «Топография Оренбургская».¹ Именно этот труд и увековечил его имя.

«Топография Оренбургская» представляет собой классический образец законченной монографии по географии огромной территории нашей страны середины XVIII в.

Территория, описанная в «Топографии», занимает площадь примерно в 4 млн км² и простирается от реки Волги на западе до Алтая на востоке, от Камы, Среднего Урала, 56.5° северной параллели в Западной Сибири на севере до гор Средней Азии на юге. До Рычкова эта территория была известна очень плохо, а во многих местах и не известна вовсе. Сведения о ней были разбросаны по многочисленным, не всегда достоверным источникам. Наиболее полное представление о ней давали, пожалуй, «Книга Большому Чертежу» да «Чертежная Книга» С. Ремезова. Последняя, однако, во времена Рычкова вряд ли была известна, а в первой сведения были кратки, отрывочны и также не всегда достоверны. В «Топографии» Рычков, по сути дела, открыл огромную территорию, сообщив о ней большое количество удивительно точных сведений.

«Топография Оренбургская» написана на основании многочисленных и разнообразных источников. В числе важнейших из них следует отметить многочисленные картографические материалы и описания при них, явившиеся результатом работ геодезистов Оренбургской экспедиции и губернии, а частью и более ранних работ.

Еще до начала работ Оренбургской экспедиции в Сенате имелось около 20 чертежей, планов и карт, касающихся в той или иной степени Оренбургского края.² В Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов, а затем и В. Н. Татищев продолжали работы по подготовке атласа России. Они организовали крупные съемки ряда обширных территорий.

В. Н. Татищевым «бывшие при Оренбургской экспедиции геодезии офицеры в том же году (1738) в разные места с достаточными наставлениями были разосланы, и все они о порученных им делах рапортовали, да и сочиненные ими ландкарты присылали в Оренбургскую губернскую канцелярию».³

Картографические работы в крае продолжались и после отъезда Татищева. Эти работы дали возможность уже в 1744 г. составить упоминавшийся выше атлас Оренбургского края.⁴ Впоследствии продол-

¹ Книга впервые была напечатана одновременно в двух частях в 1762 г. Полное заглавие ее таково: «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии Наук корреспондентом Петром Рычковым». Ч. I — 331 стр.; ч. II — 262 стр.

² К. Свенске. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного в 1745 г. Прилож. к т. IX Записок АН, № 2, СПб., 1886.

³ Оренбургская губерния... Предизвещение.

⁴ Насколько известно автору, этот атлас не упоминается в наших историко-географических и историко-картографических работах. Между тем он представляет большой интерес как одна из самых ранних попыток составления в России географических атласов. Атлас состоит из следующих карт различного масштаба: 1. Ландкарта всей Оренбургской линии со внесением как части Казанской и Сибирской губерний и прочих азиатских владений, так и ведомству Оренбургскому принадлежащих мест.

жались работы как по картированию новых малоизвестных территорий, так и по исправлению уже составленных карт.

Следует указать, что карты сопровождались описаниями, как того требовала специальная инструкция, данная геодезистам при их отправлении в разные провинции России еще в 1720 г.,¹ и как того требовал Татищев.

Все эти материалы, говорит Рычков, способствовали «сочинению всем здешним местам исправных ландкарт и целой „Топографии“».²

Весьма важными источниками «Топографии» служили отчеты о различных походах в Казахстан и Среднюю Азию с торговыми, дипломатическими и другими целями. Лицам, совершавшим такие походы, Рычков нередко давал «особливые наставления», «что и каким образом примечать», особенно в тех местах, «кои для дополнения здешних карт описать еще надобно».³ Особенно плодотворными в научном отношении были походы поручика Миллера в «Зюнгорю» и Ташкент (1738—1739, 1742—1743), поручика Дм. Гладышева и геодезиста Муравина к устью Сыр-дарьи и в Хиву (1740—1741), купца Рукавкина и других.⁴ Отчеты о первых двух походах сопровождались точными картами.⁵ На карте геодезиста Муравина впервые более или менее правильно было нанесено восточное побережье Аральского моря. Вместе с тем Муравин дал довольно подробное описание этого моря и всего маршрута. Рычков широко пользовался всеми этими сведениями. Карту Муравина он приложил к своему первому научному труду — «Известиям» (Истории Оренбургской)⁶. Имел он и карту Миллера.⁷

Рычков использовал сведения некоторых специальных экспедиций, в частности сведения экспедиции Бековича-Черкасского и похода Флоры Беневени. Рычков знал все подробности экспедиции Бековича-Черкасского и в 1760 г. написал специальную статью о ней (см. ниже).

Важную роль в получении новых сведений сыграли расспросы местных жителей, среднеазиатских купцов, возвращавшихся из Средней Азии, и освобожденных русских пленных.⁸

2. Ландкарта Оренбургской линии и Нижней Яицкой дистанции и форпостов тамошних... со внесением части Аральского моря. 3. Ландкарта Оренбургской линии, Сакмарской дистанции... со внесением Старой Закамской линии. 4. Ландкарта Оренбургской линии Верхнеяицкой дистанции. 5. Ландкарта Оренбургской губернии, Исетской провинции. 6. Ландкарта тех мест Казанского и других уездов, кои ближайшими к Оренбургу почитаются. 7. Ландкарта Казанской губернии, Кунгурского уезда. 8. Ландкарта Сибирской губернии, Тобольского и прочих смежных уездов и части заводского ведомства. 9. Ландкарта Сибирской губернии, части Тобольского и прочих уездов. 10. Ландкарта Тюменской провинции и прочих смежных с ней провинций и уездов. 11. Ландкарта Хивинского и прочих владений. 12. Ландкарта степи кочующих киргиз-кайсаков и прочих владений со внесением части Аральского моря.

¹ П. И. Иванов. Обзорение геодезических работ в России со времени Петра Великого до сочинения генеральной карты. Зап. РГО, кн. 9, 1853, стр. 428—429.

² Предизвещение к «Топографии».

³ ААН, № 236, письма за 1759 г., лл. 3—4, 27—28. См. также рукопись Рычкова «Краткое известие о татарах» (ААН, разр. II, оп. 1, № 126, лл. 1 об. — 2).

⁴ См. о них статьи Я. В. Ханькова (Изв. РГО, 1850, вып. 1); см. его же «Пояснительную записку к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями» (Зап. РГО, кн. V, 1851).

⁵ Обе карты напечатаны Я. В. Ханьковым (Географ. изв. РГО, 1850, вып. 1).

⁶ См. рукоп. в ЦГАДА, Рукоп. отдел, № 52/72, л. 82а.

⁷ Я. В. Ханьков. О карте Миллерова маршрута. Географ. изв. РГО, 1850, вып. 1, стр. 662.

⁸ См., напр., «Топографию», ч. II, стр. 58, 115, 195, и др. Здесь и везде далее цитируется «Топография» по изданию 1762 г.

При написании второй части книги и некоторых глав первой Рычков широко пользовался различными официальными бумагами губернской канцелярии и других низших административных инстанций. Сведения из подчиненных губернской канцелярии мест Рычков получал путем рассылки специальных анкет.¹

Определенное количество материалов для книги Рычков собрал во время своих многочисленных поездок по краю. Многие картины природы описаны автором благодаря собственным наблюдениям. Вместе с тем он использовал рукописные работы И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, работы Г. Ф. Миллера, некоторые древнерусские летописи,² а также восточную литературу, полученную им через своих среднеазиатских знакомых, историю Абулгази, различные персидские и арабские переводы. К этому следует прибавить и то, что Рычков был в курсе западноевропейской литературы о России, в том числе и об Оренбургском крае. Однако к использованию последней он подходил с большой осторожностью, так как находил в ней много неверных сведений. Сведения западноевропейских писателей Рычков использует только в исторической части труда.

К отбору нужного материала Рычков подходил очень тщательно. Сведения из разных источников он внимательно сверял и отбирал лишь наиболее вероятные, а затем написанные главы (в основном второй части) посылали в те места, «о коих [в них] трактуется, верно ль все описано».³

Рычков не переставал дополнять и исправлять «Топографию» и тогда, когда она была написана и находилась в Академии, дожидаясь печати.⁴

Использование источников Рычковым отличается исключительной добросовестностью.

Теоретические основы «Топографии Оренбургской» представляют большой интерес.

Одной из особенностей книги является ее деление на 2 части: часть первая — «в рассуждение всей губернии», часть вторая — «в рассуждение провинций и прочих подчиненных мест» (разрядка моя, — П. Л.).

Как указывалось выше, первую часть Рычков приложил к картам. При этом он исходил из следующего понимания роли и значения карт и географических описаний: «Всякий командир, — писал он в «Предизвещении» к первой части «Топографии», — имея при себе ландкарту тех мест, кои ему в дирекцию и правление поручены, может из нее видеть, в которую сторону и коль далеко простирается его команда, в какой ситуации и где находятся подчиненные ему города и жительства, где море или озеро, отколь и куда текут реки и пр... военный командир с ландкарты видит... куда и сколь далеко ему маршировать... какие миновать или проходить ему народы и города, где нужно переправляться через реки, где лес, где степь». Но помимо всего этого, командир обязан еще знать «народное и натуральное состояние подчиненных ему мест, где какое людство и на каком основании находится, что где натура произвела и произвести может, которое место чем избы-

¹ ААН, № 236, письма за 1760 г., лл. 27—28.

² «Топография», ч. 1, стр. 101, 132, 136.

³ ААН, № 236, письма за 1759 г., л. 47.

⁴ Там же, лл. 27—28, 33.

чувствует или оскудевает, откуда, куда и как на-
граждать недостатки и через что превозмогать име-
ющиеся и быть могущие затруднения и пр.» (разрядка
моя, — П. Л.). «А это все карта, даже самая совершеннейшая, при са-
мом тонком рассуждении командира, подсказать не может», — гово-
рит Рычков.

Для этого нужно описание. Такое описание и представляла собой
первая часть «Топографии».

Нельзя не указать, что факт приложения к картам описания есть
отзвук старой традиции в географии, берущей свое начало у нас от
«Большого Чертежа» и «Книги Большому Чертежу». Но само описание
представляет собой уже вполне самостоятельный труд, который
тогда же «оторвался» от карт, труд, основанный на строгих теорети-
ческих концепциях, выработавшихся у автора под влиянием русской
географической школы и прежде всего под влиянием идей В. Н. Тати-
щева.¹

Вышеприведенная цитата, по сути дела, дает определение предмета
географии. Таким образом, по Рычкову, предметом географии является
изучение «народного и натурального состояния», т. е. населения с его
хозяйством и природных условий того или иного места. При этом
изучение должно вестись в историческом разрезе, в динамике («где
какое людство и на каком основании находится, что где
натура произвела и произвести может») и быть предназна-
чено для человеческой практики. Надо признать, что такое определе-
ние предмета географии, по тому времени, было весьма удачным. Его
не следовало бы забывать и при современных теоретических спорах
о географической науке. Вот такое понимание географии и легло
в основу «Топографии Оренбургской».

Географию Рычков разделяет на две части: на математическую,
к которой относит и сочинение карт, «потому что оные утверждаются
паче на математических примечаниях и концептах», и «гисторическую».
Последнюю он в свою очередь разделяет на две части: политическую,
или народную, и физическую, или натуральную, т. е. естественную.
Отнесение к исторической географии географии политической и фи-
зической является, очевидно, результатом представлений Рыčkова
о географии как науке, рассматривающей свой предмет в историческом
разрезе.

В политической географии, говорит Рычков, «обыкновенно сказуется
о звании и ситуации земли, о великости, о границах и смежности
оныя, где суть моря, озера, реки, горы и другие знатнейшие урочища.
Потом о начале и состоянии народов, городов и знатных жительств,
где какая вера, отменные обычаи, промыслы и особые учреждения.
А во второй, т. е. в физической части, трактуется о качестве и свой-
ствах земли и воды, древес и плодов, о металлах, о всяких живот-
ных и прочих естественных приключениях». Если по такому плану
описывается весь мир, — говорит Рычков, — это будет космография,
или просто география, а если описывается одна страна или несколько
провинций, тогда именуется топография.²

В этих взглядах наблюдается большое сходство с взглядами
В. Н. Татищева. Но при непосредственном изложении материала

¹ О взглядах В. Н. Татищева на географию см.: Л. Е. Иоффе. Современники
Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. М., 1949, стр. 79—87.

² Предизвещение к «Топографии».

Рычков отступил от них, причем отступил в лучшую сторону: географию политическую, или народную, и физическую, или натуральную, применительно ко всей губернии в целом он соединил в одной части, часть же материала первой (природные ее элементы) и всю вторую он изложил даже в одной главе. В результате этого труд приобрел большую стройность, совершенно оригинальную структуру.

Выше уже отмечалось деление книги на две части: в первую часть Рычков включил все то, что свойственно губернии в целом, «прочие ж обстоятельства, — по словам самого автора, — представляются во вторую часть, где они в провинциальных разделах по уездам и местам своим могут быть описаны».¹

Такое построение представляло тогда большую новость. Оно не сразу восторжествовало, но в нем не трудно угадать прообраз современного общего и регионального обзора географии страны.

Построение отдельных частей таково.

Первая часть начинается описанием происхождения названия губернии и краткой исторической справкой относительно ее учреждения. Это — первая глава. Затем следует характеристика географического положения, размеров описываемой территории, границ, соседей. Это — вторая глава. Третья глава дает сведения об административном делении губернии. Четвертая глава посвящена географии населения и истории его расселения. Глава пятая (она занимает свыше одной трети всей части) — чисто физико-географическая глава, посвящена характеристике природы всей губернии. Наконец, шестая глава характеризует торговлю края, дает историю ее развития.

Во второй части описание ведется по административным единицам (провинциям и пр.): каждой единице посвящена одна глава.

Перед второй частью сам автор ставил такие задачи:² 1) дать сведения о «размерах провинций, их внутреннем и смежном состоянии»; 2) описать «города, крепости и знатные жительства, когда началось, какое где людство, на каком основании и пр.»; 3) охарактеризовать состояние уездов и уездных «обывателей», «чем избычествуют или оскудевают»; 4) описать промыслы, какие есть и какие быть могут. Вот таким материалом и наполняются отдельные главы.

Только описание промышленности автор выделил в самостоятельную главу.

Однако и здесь он замечает, что промышленность целесообразнее было бы описать по провинциям, где она размещена.

Но постольку, поскольку промышленность подчинена не губернской канцелярии, а ведомству горного начальства, он ее описывает отдельно.

Построение физико-географической главы первой части также своеобразно и оригинально. В этой главе природа описана по такому плану: климат, воды (моря, озера, реки), рельеф, полезные ископаемые, животный мир (дикие и домашние животные).

Таким образом, в «Топографии» Рычков выступил не только как автор, наряду с С. П. Крашенинниковым, первого в мире регионального географического труда, но и как ученый, разработавший впервые в мире методику построения страноведческих работ, такую методику, которая впоследствии стала общепринятой и которая не потеряла своего значения до сих пор.

¹ «Топография», ч. I, стр. 213.

² Предизвещение к «Топографии».

К теоретическим основам «Топографии» следует отнести и принципы отбора материала. Здесь Рычков выступает также новатором. Сам он эти принципы наиболее четко сформулировал в V главе первой части: «...здесь [в этой главе] то одно для сведения сообщается, что Оренбургская губерния против прочих имеет особенно знатное и примечания достойное, а что против других мест одинаково, это все для сокращения будет оставлено» (разрядка моя, — П. Л.).¹ Это не случайная обмолвка Рычкова. Аналогичные формулировки у него встречаются неоднократно.² Такой подход к отбору материала базировался на глубоком понимании сущности географии как науки, с одной стороны, а с другой, на превосходном знании географии своей страны.

В указанном принципе отбора материала мы видим такую генерализацию, которая также сохраняет известное значение до сих пор. Вместе с тем в этом отборе впервые в мировой географии применен сравнительный метод. В Западной Европе такой метод получил распространение, правда на более высокой научной основе, лишь в конце XVIII—начале XIX в. и связан с именем Гумбольдта.

В отношении генерализации материала Рычков также опередил свое время.

Оригинальный принцип отбора материала и своеобразная система его изложения составляют одну из самых важнейших черт «Топографии».

Теоретические взгляды на географию позволили Рычкову создать комплексный географический труд и в нем описать край в целом, его природу, население, хозяйство, описать в теснейшей связи с историей, в плане непосредственной связи с жизнью, с человеческой практикой. Комплексностью пронизано и описание всех географических объектов. Рычков отличался поразительной способностью в короткой и яркой форме отметить важнейшие географические особенности того или иного места.

Вот как он, например, описывает реку Эмбу: «Вершины ее в киргизкайсацкой степи под 49 градусом ширины, из Мугуджарских гор, неподалеку от Орских вершин, впадает прямо в Каспийское море. В вершинах ее есть довольно бродов и течет по камню, но что ниже, то глубже становится, течет по песку и бродов уже не имеет. Ширина ее сажень на тридцать, а инде и многим шире. Рыбы в ней множество всяких родов, особливо сомы и сазаны весьма крупные, а у устья находятся белуги и осетры. Лес по ней — осокорь, ветла, тал, осина, джадовник, черемха, жимолость, а местами есть и камыши, но в вершинах оного мало. Киргиз-кайсаки Меньшой орды часто и многим числом по этой реке зимуют» (ч. I, стр. 224—225).

Конечно, комплексность здесь не глубокая. Причинных связей Рычков не вскрывает. Но ведь это писалось тогда, когда в географии было немало всяких невероятных сведений и курьезов.

Вот как пояснялось разделение Европы в кратком руководстве по географии, вышедшем в 1742 г.: «Как разделяется Европа? на подобие сидящей девицы, у которой: 1. фонтанж есть Португалия, 2. лицо Гишпания, 3. грудь Франция...» и т. д. Бюшинг в своем руководстве по географии европейских стран (1763) признавал за пра-

¹ Топография, ч. I, стр. 198.

² См., например, параграф о рыбах в V главе I части.

вило, что «чем больше земля населяется, тем стужа в ней уменьшается».

Между прочим, у Рыčkова есть весьма определенные высказывания относительно причинных связей. Так, обосновывая начало описания природы губернии и климата, Рычков пишет, что при всегдашних переменах воздуха «в натуре всех вещей разные действия происходят» (стр. 198).

Позже в других трудах Рычков выскажет на этот счет ряд интересных соображений (см. ниже).

«Топография Оренбургская» представляет большой интерес и с фактической стороны. Уже сам объем книги (около 600 стр. в 8°) говорит о полноте описания географии края. Как это ни удивительно, но тем не менее — факт, что некоторые сведения, приведенные в книге, не потеряли своего значения до сих пор. Так, требуют проверки сведения о наличии белых глин в горах Улу-тау.¹

Полнота и достоверность делают «Топографию» одним из драгоценнейших памятников географии середины XVIII в., позволяющих судить об изменении географической среды на огромной территории как естественным путем, так и под влиянием человека.

Приведем некоторые примеры.

Описывая озеро Наурзым, Рычков указывает, что в районе озера находится «бор лесной, именуемый Наурзым-Карагай» (стр. 215). Это первое в литературе упоминание данного бора, одного из интереснейших географических объектов, крайнего южного форпоста леса в Зауралье. Рычков приводит такие размеры этого бора: в длину верст 20, в ширину верст 10. В начале 20-х годов текущего столетия бор имел такие размеры: длина верст 25, ширина 5—8 верст.² Но в то время бор подвергался сильному истреблению, там пасли скот, производили рубку, имели место частые пожары.³ После того как бор стал заповедным, лес начал разрастаться и в конце 30-х годов имел примерно такие же размеры, как и во времена Рыčkова, или даже несколько большие: 24 × 10 км.⁴

Что касается озера Наурзым, то оно во времена Рыčkова имело окружность километров в 40. В настоящее время оно разбилось на два периодически совершенно пересыхающих озера, причем, по мнению А. Г. Воронова, озера обнаруживают тенденцию к прогрессивному усыханию.⁵

Во времена Рыčkова Оренбургский край кишел всякого рода зверьем. В нем много было тарпанов, за рекой Урал, по Эмбе и Сарысу тысячами ходили куланы, между Кинелем и рекой Самарой местные казаки ежегодно убивали большое количество лосей, в пределах Центрально-Казахстанского мелкосопочника паслось немалое число маралов, в реках Башкирии водилось множество бобров, мех которых продавался по рублю—полтора рубля за шкурку (ч. I, стр. 281—291).

¹ А. В. Хабаров. Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России, ч. I. М., 1950.

² Н. В. Павлов. Островные леса Тургайской области и некоторые вопросы их биологии. Изв. Главн. Ботан. сада, т. XXIV, 1925, стр. 66—67.

³ Б. Б. Горелов. Материалы к изучению растительности Наурзумского бора. Тр. Наурзумск. Госзаповедника, вып. 1, 1937.

⁴ Там же, стр. 212.

⁵ А. Г. Воронов. Колебания уровня озер Кустанайской области. Изв. ВГО, 1947, вып. 5, стр. 534.

В настоящее время тарпаны истреблены совершенно. Кулан откопывал далеко на юг. Ныне он сохранился лишь на самом юге Средней Азии (район Кушки), да на востоке Казахстана, в том числе и в юго-западной части Балхашской котловины.¹

Не приходится говорить ныне и про обилие лосей в крае. Они были истреблены почти полностью и лишь усилиями советской власти вновь разведены в Бузулукском бору. Есть они в некотором количестве и на Южном Урале. В последнее время в связи с охраной число их быстро растет. Теперь они стали проникать уже к югу от Урала. Так, А. Н. Формозов² отмечает появление лосей в долине реки Урал ниже Орска, отмечены лоси в последнее время (1945, 1948) южнее Актюбинска и у Атбасара.³

Еще меньше сохранилось маралов. От них во многих местах остались лишь рога, да названия урочищ. Уже во второй половине XIX в. они исчезли в западном Казахстане, а к концу столетия уцелели лишь в восточной горной части, в районе Алтая и Саура,⁴ где сохранились поныне в значительных количествах.⁵ В настоящее время ареал марала стал расширяться. Есть сведения о встрече каких-то оленей (очевидно, маралов) в северном Казахстане.⁶

Что касается бобров, то они применительно к бывшему Оренбургскому краю ныне совсем не упоминаются.

Число аналогичных примеров можно увеличить во много десятков раз, но и этого достаточно, чтобы показать значение «Топографии» для исторической географии. К этому следует прибавить, что обилие исторических и этнографических сведений в книге делают ее важным источником в глазах современного историка и этнографа, изучающего Оренбургский край периода XVIII в.⁷

Полнота и достоверность, вместе с оригинальной методикой построения и теоретическими основами, делают «Топографию Оренбургскую» трудом совершенно исключительным в мировой географической литературе того времени. Она может быть поставлена в один ряд с другим классическим произведением отечественной географии того времени — «Описанием Земли Камчатки». Между ними есть много общего, как в построении, так и в полноте и широте охвата материала, несмотря на то что они были написаны одновременно и не оказали друг на друга никакого влияния. Это общее является следствием того, что оба автора принадлежали к одной, русской, географической школе, опережавшей в своем развитии западноевропейскую географию.

III

Кроме «Топографии Оренбургской» Рычков написал еще 59 работ, из которых 44 напечатаны в «Ежемесячных сочинениях и переводах» и в «Трудах Вольного экономического общества»; 2 работы — «Опыт Казанской истории» и «Введение к Астраханской топографии» — изданы

¹ Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов, А. П. Кузякин. Определитель млекопитающих СССР. 1944, стр. 220.

² Казахстан. (Физико-географическое описание), 1949, стр. 388.

³ Там же.

⁴ Россия, т. XVIII, стр. 121.

⁵ Н. А. Бобринский и др., ук. соч., стр. 232.

⁶ Казахстан, стр. 389.

⁷ Т. В. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. 1950, стр. 17.

отдельными книгами; 1 работа — «Описание осады Оренбурга» — напечатана А. С. Пушкиным в его «Истории Пугачева»; 12 или 13 работ Рычкова не напечатаны до сих пор и среди них такая крупная, как «Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии».

Большинство этих работ до сих пор не привлекало внимания исследователей. Между тем они также оригинальны. В них автор выступает как ученый, поднимающий новые вопросы науки.

Во всех этих работах Рычков затрагивал самые разнообразные вопросы — географические, экономические, вопросы естествознания, исторические, прикладные, — в каждом из них оставляя заметный след.

Значительное количество опубликованных статей носит прикладной характер, но по объему и по широте освещаемых вопросов на первое место следует поставить статьи географического характера и статьи экономические, в которых видное место занимает и география. Здесь будут рассмотрены те статьи, которые носят географический характер, и статьи, близко стоящие к географии.

Вопросов физической географии Рычков касается в ряде своих сочинений: «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии», «Описание пещеры», «Описание илецкой соли» и в других.

В статье «О медных рудах и минералах»¹ основное, что бросается в глаза современному географу, — это вопросы взаимосвязей явлений и предметов, вопросы изменения земной поверхности.

Рычков говорит, что некоторые рудоискатели хвалятся тем, что по виду мест, а особенно по растущим травам «рудное положение узнавают». «Но сие можно за такое же мечтание почесть, — продолжает Рычков, — какое рассказывается о лозе счастья: неоднократно случалось видеть, как оные знатоки в том своем знании обманывались» (стр. 40). Рычков говорит, что на рудных местах действительно трава редко растет. Но и таких мест много, где и травы нет и руды нет. Травы может не быть, замечает Рычков, по причине солончаков и по другим причинам.

Опровергая мнение рудознатцев, утверждавших, что руду нужно искать по признакам, имеющимся на камнях, по берегам рек, Рычков говорит, что рудные признаки по берегам рек — явление редкое, да и по тем признакам все равно трудно найти руды. Приречные признаки руд объясняются Рычковым вполне справедливо: они есть результат действия текучих вод. Рассматривая действие текучих вод, Рычков приходит к выводу, что они «на поверхности земной удивительные перемены причиняют», горы превращают в равнины, а на равнинах делают «рытвины» и «буераки», способствуя тем самым открытию рудных признаков (стр. 41—42).

Рассматривая далее «удивительные перемены», которые причиняет текущая вода, Рычков приходит к утверждению превращения «существа в существо». Под действием текучих вод, замечает Рычков, сдвигаются и обваливаются целые горы; обвалы могут заваливать растущий на них лес, «который год от году, прибавляясь илом и песком, крепнет, отчего нередко случается здесь, что, вырывая рвы и погребя, в немалой глубине находят разных сортов деревья без всякой гнилости, а иногда и в камень претворившиеся, к немалому удивлению тех, которые о натуральных действиях мало или и ничего не рассуждают» (стр. 55—56).

¹ Тр. ВЭО, ч. IV, 1766, стр. 30—56.

Претворение одних веществ в другие Рычковым отмечено и в ряде его писем в Академию Наук. Он много старался снабдить Академию окаменелыми деревьями «для очевидного доказательства тем, которые претворению из существа в существо спорят» (разрядка моя, — П. Л.).¹ У Рыčkова это претворение, как видно, не вызывало сомнения.

В вопросе изменения природы Рычков идет еще дальше. Он утверждает превращение равнинных мест в горы в силу внутриземных процессов. В разделе «О положении руд» автор статьи пишет: «Особливого примечания достойно то, что в Уральских горах с обеих сторон и в отдалении от них верст на 20 все руды положение свое имеют понурое, склоняясь к горам, из чего есть физическая причина мнить, не бывали ль сии гористые места когда-нибудь плоского и ровного положения и не пришли ль они в нынешнее состояние по случаю землетрясения, которое бывшую тут плоскую поверхность в середине вспучило и подняло кверху, чего вероятность видимое ныне с обеих сторон положение руд подтверждает» (стр. 47—48, разрядка моя, — П. Л.).

Можно безошибочно утверждать, что в статье «О медных рудах и минералах» мы имеем применение к конкретному материалу идей М. В. Ломоносова, высказанных им в его гениальной работе «О слоях земных» (1763). Ломоносов, наблюдая явления природы, пришел к гениальному выводу, что мир не остается постоянным, а в нем происходят великие перемены, что «дно морское становится возвышенной горою». В Рычкове эти идеи нашли благодатную почву.

В статье «О медных рудах и минералах» Рычков говорит о происхождении медных руд. Он не допускает мысли, что руды кем-то созданы раз и навсегда. Напротив, он высказывает такое предположение, что руды эти, возможно, образуются и ныне. И если это так, то надо признать, говорит он, что оренбургский воздух с древнейших времен и поныне «минеральным спиртом» наполнен, который способствует образованию руд (стр. 51).

И в этом высказывании, пусть оно и наивно, следует видеть материалистический взгляд на природу. Не следует забывать, что во времена Рыčkова лик Земли представлялся совершенно неизменным, равнины и горы — существовавшими извечно. Мир «для естествоиспытателя рассматриваемого периода, — говорит Энгельс, — был чем-то окостенелым, неизменным, а для большинства чем-то созданным сразу».² Тремя словами — «бог так сотворил» — тогда объясняли все природные явления. Рычков вслед за Ломоносовым не побоялся выступить против этой общепринятой формулы, смело утверждая изменение природы.

Рычков одним из первых в нашей стране обратил внимание на пещеры, описав известную Капову пещеру.³ Его описание пещеры отличается исключительной наблюдательностью и большой точностью. Оно сделано с подлинно художественным мастерством, внушенным автору «сим чудом природы».

¹ ААН, № 236, письма за 1762 г., л. 34.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы. 1936, стр. 89.

³ Статья о Каповой пещере называется так: «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой...». Ежемес. соч. и перев., 1760, март, стр. 195—220.

Спустя почти 10 лет пещеру посетил И. И. Лепехин. Он совершенно правильно заметил, что после Рычкова описывать почти нечего.

В 1896 г. пещеру осмотрели члены Оренбургского отдела Русского Географического общества Ф. Симон, И. Заневский, Д. Соколов. В своем протоколе осмотра они записали: «Описание г. Рычкова оказалось согласным с действительным описанием пещеры: на всех указанных им местах найдено все то, что он отмечал — впадины, продушины, проходы, камни и проч.; мера линий тоже верна, исключая случаев, когда г. Рычков определял ее примерно, но и тогда разница была невелика».¹

Рычков не дал правильного объяснения происхождения пещеры (ему казалось, что в образовании именно этой пещеры принимали участие, помимо природных процессов, и люди), но здесь он подтвердил свой материалистический взгляд на природу. «Когда я спрашивал у башкирцев, от кого бы сие столь удивительное здание построено, все мне ответили, что то творение божие... но сие башкирское мнение, — пишет Рычков, — основано на их невежестве».

В статье «Описание илецкой соли»² Рычков дал характеристику залегания, добычи и транспортировки соли. Здесь он высказал мысль, что соль илецкая образовалась, возможно, «в самой глубочайшей древности на премногие века и в неизмеримом количестве». Этим самым он и здесь подтвердил свой материалистический взгляд на природу. Правда, в некоторых других статьях он отдает дань времени. Описывая, например, засухи в крае, он говорит, что предотвратить их нельзя, так как они от бога. «Но невозможно сомневаться, — тут же добавляет он, — чтобы разум и любопытства человеческие когда-нибудь в таинства природы не проникли».³

Ряд статей Рычкова носит почти чисто экономико-географический характер и освещает географию сельского хозяйства края. К ним относятся прежде всего «Письма о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях»⁴ и «Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии».⁵

Последняя статья явилась ответом на анкету Вольного экономического общества, разосланную им уже в первый год своего существования. Вольное экономическое общество, основанное для поднятия обнаружившего глубокий упадок помещичьего хозяйства, путем рассылки специальных анкет думало изучить лучший земледельческий опыт в стране и всю экономику сельского хозяйства. С этой целью и была разослана специальная анкета из 65 вопросов.⁶

Ответы на эту анкету начали поступать вскоре после ее рассылки. Они публиковались в «Трудах» Общества. В 1767 г. были опубликованы ответы по Переяславльской провинции и ответы Рычкова (ч. VII), в 1768 г. — ответы по ряду провинций Украинской губернии (ч. VIII, X), в 1769 г. — по Калужской провинции (ч. XI). Позже также публиковались ответы.

¹ Изв. Оренбургск. отд. РГО, ч. 10, 1897, стр. 75.

² Тр. ВЭО, ч. XX, 1772.

³ Ежемес. соч. и перев., 1858, май, стр. 547.

⁴ Там же, стр. 427—440, стр. 507—550.

⁵ Тр. ВЭО, ч. VII, 1767, стр. 111—212.

⁶ Она напечатана в «Трудах» Общества (1765, ч. I, стр. 191—204).

Ответы Рычкова самые обстоятельные из всех, наиболее глубокие. Талант географа сказался здесь с особенной силой.

В указанных статьях Рычков дал описание географии почв края, а также детальную характеристику географии сельского хозяйства.

Рычков уже тогда подметил связь почв края с климатом. «На таком великом пространстве [как Оренбургская губерния], — пишет Рычков в «Экономических ответах», — следственно там быть разным климатам и разному качеству земли» (стр. 112, разрядка моя, — П. Л.). Он нарисовал яркую и верную картину географии почв края. «В Средней орде... довольно хороших и черных земель, способных ко всякому земледелию... однако и гористых и сухих мест там немало. Но в Меньшей орде... земли по большей части сухие, мешающиеся с песком и глиною... В ведомстве яицких казаков до самого Гурьева городка земли точно почти такие же, как и в Меньшей орде; но по сю сторону Яицкого городка, в вершинах и на низ по реке Иргизу и приближаясь к Волге и Самаре рекам, начинаются земли черные и рыхлые, которые без сомнения ко всякому хлебопашеству могут быть способными» (стр. 112 и сл.). Так Рычков описывает почвы всех других районов края: района Оренбурга, Башкирии, Исетской провинции, Ставропольского ведомства и др. Требовать от него более глубокого научного описания вряд ли можно по той причине, что наука о почвах, связанная с именем В. В. Докучаева, возникла спустя более ста лет после Рычкова.

Наряду с характеристикой размещения почв, Рычков указывает и на использование их. Он, между прочим, пишет в «Ответах», что и одна сотая пригодных в крае почв не используется, указывает места, где они не используются и где используются для земледелия, а где для скотоводства. Этим он определяет хозяйственные особенности того или иного места: районы киргиз-кайсацких степей почти исключительно животноводческие да со звериным промыслом, земледелия там нет, также и районы уральских казаков без земледелия (но с садоводством и огородничеством), а остальные заселенные районы имеют смешанный тип хозяйства — земледельческо-скотоводческий.

Рычков дает точную картину географии сельскохозяйственных культур, подмечает земледельческий профиль. Так, он указывает, что «по близости к реке Яику, следственно при самом Оренбурге, ржаного сева почти нет, а сеют одно яровое, т. е. пшеницу, овес, ячмень, полбу, ярицу, просо, а изредка и гречиху; умножительнее ж сеются там овес и пшеница». Из огородных растений он отмечает арбузы, дыни, тыкву, огурцы, капусту, морковь, редьку, репу, горчицу (стр. 116—117). В остальных же местах «главный сев состоит во ржаном хлебе. Его одного сеют тут, как и в прочих внутренних местах, так много, что он один занимает столько же земли, как весь яровой сев. Овса более сеют, нежели пшеницы, а пшеницы более, нежели ячменя» (стр. 118).

Описывая земледелие в крае, Рычков отмечает и препятствия для него. К ним он относит ранние осенние и поздние весенние заморозки, засуху, а также «ржу, которая есть мгла, или туман, имеющий в себе некакую едкую материю, отчего не только колос и зерно портится, но и трава, також де и листья на деревьях блекнут и сохнут».

¹ Ежемес. соч. и перев., 1758, июнь, стр. 513—514.

Такие природные недостатки приводят, по мнению Рычкова, к тому, что «к распахке и плодородию почитаются места ровные и небольшой скат, или склонение, к полудню имеющие, однакож и в дубравах, на высоких местах, т. е. между перелесков, посеянный хлеб часто удается, а паче в те годы, когда дождей мало случается. К тому же в таких местах и от морозов бывает он безопаснее» (разрядка моя, — П. Л.).¹

Как видно, Рычков здесь подчеркивает влияние рельефа и экспозиции склонов на урожай. Вместе с тем он весьма определенно высказывается относительно влияния леса на урожай. Это одно из самых ранних, если не самое раннее в нашей литературе высказывание на этот счет. Между тем до сих пор об этом нигде не упоминалось.

В рассматриваемых статьях подробно освещается техника и приемы обработки почв, техника и приемы ухода за скотом, даются примеры лучшей домашней экономии, рентабельности сельскохозяйственного производства, указываются причины различной величины посевных площадей под разными культурами, наконец, есть довольно успешная попытка показать внешние и внутренние экономические связи.

Ничего подобного в то время ни у одного автора не было. Рычков собрал богатейший материал по сельскому хозяйству края и обобщил его весьма умело. Здесь он поднял описательную географию на большую высоту, оставив далеко позади своих коллег по описанию других районов России.

Такие статьи Рычкова, как «Письма о коммерции»² и «О мануфактуре из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти»,³ носят экономический характер. В этих статьях Рычков усиленно пропагандирует идею полной экономической независимости России, идею, в которой нельзя не признать патриотической заботы о своей стране. Но эти статьи интересны и для географа, так как они затрагивают и ряд географических вопросов.

В «Письмах о коммерции»⁴ Рычков впервые в нашей стране дал очерк развития торговли на Руси с древнейших времен. Вместе с тем там есть много данных относительно торговых путей, внешних и внутренних экономических связей, предметов ввоза и вывоза, относительно важнейших отраслей промышленности и всего народного хозяйства в целом, а также данных относительно истории развития промышленности на Руси с древнейших времен по его время.

В статье «О мануфактуре из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти» Рычков развивает идею хлопкоразведения в европейской части России. Еще в 1745 г. по инициативе Рычкова возле Оренбурга начались опытные посевы хлопчатника. Однако по причине ранних осенних заморозков эти опыты не имели успеха. Тогда Рычков лично достал семена хлопчатника и дал их специалисту садоводу-иноземцу для выращивания. Но и эти опыты постигла та же участь. Однако, несмотря на такие неудачи, Рычков не оставлял веры в успех дела. Причины гибели посевов хлопчатника он видел не столько в климате, сколько в садовнике. Ему казалось, что садовник «тому севу и бере-

¹ Там же, стр. 441.

² Там же, 1755, февраль, стр. 105—122; апрель, стр. 307—338.

³ Тр. ВЭО, ч. II, 1766, стр. 89—101.

⁴ Эти письма уже привлекали внимание экономистов. См. о них в указанных статьях И. С. Бака и Н. К. Каратаева.

жению был не искусен», а опыты 1745 г. ему еще тогда казались сомнительными. В связи с этим Рычков предлагал опыты по акклиматизации «неоднократно и в разных местах повторить такими людьми, кои действительно в том сами упражнялись, т. е. хивинцами или бухарцами... А хотя б и подлинно оказалась к тому невозможность в Оренбурге и в близости оного, то б отводить в других тоже губерниях местах, где климаты теплее оренбургского и летние погоды долее продолжают» (стр. 94). На такое полезное дело, говорит Рычков, ни труда, ни иждивения жалеть не надо. Насколько повлиял этот призыв, судить трудно. Несомненно, однако, что вскоре в районе Астрахани и Сарепты действительно начались опыты, которые были не безуспешны. Но в условиях царской России даже более успешные опыты XIX в. в районе Крыма и южной Украины не привели к широкому распространению хлопчатника.

Лишь в советское время наши мичуринцы закрепили посевы хлопчатника не только на Украине и в Крыму, где он занимает сотни тысяч га, но и в низовьях Волги и Урала. В низовьях Волги в 1951 г. под хлопчатником было уже занято 10 тыс. га.¹

Большой интерес представляет статья Рычкова «О бережении и размножении лесов».² Эта статья интересна тем, что в ней Рычков, придавая громадное значение лесу в жизни человека, со всей решительностью выступает за бережение имеющихся и насаждение новых лесов в малооблесенных и в безлесных степных районах. Дело лесонасаждений Рычков призывает поставить на научную основу: собрать сведения о семенах каждого дерева, о том, как оно размножается и как растет, составить специальное наставление и разослать его во все губернии. При этом Рычков дает характеристику размножения и произрастания наиболее распространенных пород деревьев.

В числе мероприятий по бережению лесов Рычков предлагает запретить степные палы, при которых в его время возникали огромные пожары, приводившие и к истреблению лесов. Палы местными жителями мотивировались тем, что после них утучняется почва и улучшается пастбище. Рычков протестует против такого примитивного способа улучшения плодородия почв. Для улучшения плодородия почв, говорит Рычков, нужно помышлять о других способах (стр. 98).

Как известно, до сих пор нет единого мнения о роли степных палов в улучшении пастбищ.³ Но во времена Рычкова, когда пастбищ было сколько угодно, палы приносили несомненно больше вреда, чем пользы, и его осуждение такого способа улучшения пастбищ следует признать вполне справедливым.

Статья Рычкова о бережении и насаждении лесов была одной из самых ранних статей этого рода. Насаждением лесов, акклиматизацией хлопчатника Рычков ставил вопрос об активном вмешательстве человека в природу.

Замечательны своей новизной и постановкой вопроса статьи Рычкова о пчелах.⁴ Рычков был первым в нашей стране, кто писал о пчелах.

¹ БСЭ, изд. 2, т. 3, стр. 282—283; В. Величко. Творцы нового. Правда, 1952, № 237.

² Тр. ВЭО, ч. VI, 1767, стр. 84—112.

³ См.: Л. Е. Родин. Выжигание растительности как прием улучшения пастбищ. Сов. бот., 1946, № 3, стр. 147—161 (список литературы); В. В. Иванов. Новые данные к изучению степных пожаров. Изв. ВГО, 1950, № 5, стр. 554.

⁴ Тр. ВЭО, чч. V, IX, XI.

В статьях о пчелах он обобщил народный опыт по пчеловодству и свои личные наблюдения, смело выступив вразрез с мнениями иностранных авторитетов.

Писать о пчелах его побудило желание поставить пчеловодство в России как доходную отрасль хозяйства на научную основу при помощи самих же русских пчеловодов, а не иностранцев. Вместе с тем пчелы его интересовали и с биологической стороны, как насекомые, «отменные от многих». «Не могу умолчать сего, — писал он в своей первой статье о пчелах, — что в столь чудном животном, в коем усматриваются следы и поведения, сходственные почти к разумной твари, осталось весьма еще много достойного к рассмотрению и удивлению. Желая, дабы сим моим первым, хотя и слабым описанием к лучшим и достовернейшим наблюдениям побуждены были люди искусные и любопытные».¹ В статьях о пчелах Рычков перед русским естествознанием поставил ряд вопросов биологии пчел. Но, к сожалению, продолжателей его дела скоро не нашлось. Переводились и печатались иностранные сочинения, часто наполненные всякого рода вымыслами.² Сочинения же Рычкова были забыты и ныне совсем не вспоминаются нашими пчеловодами. А их следовало бы вспомнить, так как это не только первые русские сочинения о пчелах и пчеловодстве, но и одни из самых ранних русских сочинений по естествознанию вообще. Рычков в них убедительно показал силу и значение опыта в деле разрешения научных вопросов естествознания.

Рычков открыл в Оренбургском крае на корнях клубники кошениль, ценившуюся тогда очень дорого и ввозившуюся в Россию из-за границы. Это открытие произвело в Академии Наук большое впечатление. «Открытие такого неизвестного в натуральной истории предмета... заслуживает великой признательности», — писал Г. Ф. Миллер Рычкову.³

Открытию кошенили, некоторым ее биологическим особенностям посвящено несколько статей Рычкова.⁴

Рычков положил начало знаменитому теперь на весь мир производству изделий из козьего пуха. Это производство описано им в специальных статьях «Опыт о козьей шерсти» и «Дополнение о козьей шерсти».⁵ Производство шалей из козьего пуха сохранилось до сих пор в нынешней Чкаловской области. Там есть специальные козоводческие совхозы, есть и знаменитые вязальщицы шалей.⁶

Прочие опубликованные труды Рычкова для географии мало интересны.

IV

Из числа неопубликованных трудов Рычкова наибольший интерес представляет «Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии», обнаруженный недавно в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (шифр М. № 2931).⁷ Копия его обнаружена

¹ Тр. ВЭО, ч. V, стр. 196.

² См.: И. Ф. Токмачев. Библиографический указатель русской литературы по пчеловодству. Тр. Русск. общ. акклимат. животн. и раст., М., 1899. См. также: А. Я. Курочкин. Исторический очерк пчеловодства. Н. Новгород, 1923, стр. 42.

³ П. Пекарский, ук. соч., стр. 99.

⁴ Тр. ВЭО, чч. VI, IX, XV.

⁵ Там же, чч. II, XIV.

⁶ Б. Любимов. В устье Орь-реки. 1949, стр. 164.

⁷ На нахождение его там любезно указал профессор А. И. Андреев, за что автор выражает ему глубокую признательность.

П. Е. Матвиевским в архиве Института истории Академии Наук СССР (фонд Воронцовых, № 521).¹

«Лексикон» Рычкова является третьим географическим словарем в России (после словарей В. Н. Татищева, первая часть которого была опубликована только в 1793 г., и Ф. Полунина, опубликованного раньше, в 1773 г.). Вместе с тем он является первым региональным словарем в нашей стране. Аналогичные словари появились лишь спустя более 100 лет.²

Таким образом, и в этом отношении Рычков значительно опередил свое время.

Полное заглавие «Лексикона» таково: «Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии, в котором описаны все города, крепости, редуты, пригороды, остроги и селения, находящиеся во оной губернии, со внесением тут морей, знатнейших озер, рек, мест и урочищ, внутри ее и смежно с нею лежащих, и как в Азию, так и в Европу простирающихся, разные народы, дворянские фамилии, знатные особы, отменные от других великороссийских мест звери, птицы, продукты, вещи и товары, кои по делам и по коммерции сей губернии и ведению принадлежат. Собран и в алфаветной порядок приведен в Оренбурге по экспедиции пограничных и иноверческих дел 1776 года».³

Перед «Лексиконом» Рычков ставил очень большие задачи. Он хотел, «чтобы ни едино жительство и обстоятельство, примечания достойное, упущено в нем не было».⁴ И это он всячески выполнял.

Рукопись «Лексикона» представляет весьма объемистое сочинение. Она состоит из двух томов и заключает 678 страниц довольно убористого текста, обнимающего описание примерно 2100 слов, в том числе: населенных пунктов, городищ, административных единиц около 1650, горных вершин, хребтов, урочищ, достопримечательных мест около 30, рек и озер около 50, животных около 50 видов, полезных ископаемых 12 видов, заводов и рудников около 40, народов 30, военных объектов, крепостей, воинских частей около 100, имен и сановных лиц свыше 80, прочих слов (монеты, «бунты» и пр.) 70.

В общей сложности в «Лексиконе» собрано огромное количество географического, частью исторического материала относительно бывшей Оренбургской губернии и значительной части современного Казахстана и Средней Азии.

Значительная часть этого материала заимствована автором из его прежде опубликованных работ, главным образом из его «Топографии». Но многое здесь является совершенно новым. «Лексикон» Рычкова не только по форме, но и по содержанию представляет собой оригинальное сочинение.

Как видно из вышеотмеченного, больше всего внимания Рычков уделил в «Лексиконе» описанию населенных пунктов. Описание населенных пунктов делается, как правило, довольно подробно, причем всегда подчеркиваются наиболее характерные их особенности, их физико-географические приметы, выясняется, где можно, история селения, указываются количество жителей и количество домов.

¹ См. отдельный оттиск его статьи «К истории изучения географии и производительных сил Оренбургского края по рукописям и архивным документам XVIII в.».

² См.: М. М. Кауфман. Русские географические словари. Вопросы географии, сб. 4, 1947, стр. 168—188.

³ Другой том датирован 1777 г.

⁴ П. Пекарский, ук. соч., стр. 151.

Вот примеры:

«Абанорлина — башкирская деревня. Поселена она на бывшем пустом промежутке между рек Урала и Сакмары в вершине речки Елдяша, впадающей в реку Урал выше Орска под Таналыцкою крепостью, немного повыше озера Талкаса. Расстояние ее от Оренбурга будет около 400 верст, от Верхнеуральской крепости верст с 60, от Сыртинского редута, кой выше ж Кизильской крепости, верст с 30. Жила в ней дворов до 12. Места тут для пашни и скотоводства весьма привольные» (л. 2).¹

«Байланова деревня [Исетской провинции] — поселена на ровном месте при речке Тече по течению с левой стороны. С правой же находится гора вышиной в пять сажень, а иногда и менее, по ней с правой стороны растет березняк, около которого имеются пашни, с левую же сторону подошли озерки и сенокосные угодья» (л. 52).

Описывая населенные пункты, Рычков сообщает большое количество новых, по сравнению с «Топографией», сведений из физической географии.

Автор «Лексикона» много внимания уделяет развитию в крае фабрично-заводской промышленности и описанию отдельных заводов, рудников, месторождений полезных ископаемых, причем и здесь у него данные полнее, чем в «Топографии».

Подобно «Топографии», «Лексикон» включает описание крупных городов Средней Азии, Хивы, Бухары и других, сообщает важные сведения и о Центральной Азии, причем и здесь сведения местами также полнее, чем в «Топографии». Так, описывая Бухару, Рычков сообщает, что в ней 18 000 домов, в том числе 3000 еврейских. Большая часть домов построена из камня, «подземельных», так как случаются великие жары. Дерево жители берут из насаженных ими же лесов. Автор называет все 12 ворот города, указывает, какие города и провинции подчинены Бухаре, характеризует политическое устройство, базары, упоминает предметы торговли и пр.

Некоторое внимание уделено историческим личностям края, русским государственным деятелям, ханам Средней Азии и Казахстана, предводителям народных восстаний и пр. Есть даже «далай-лама». Под этим словом Рычков понимает патриарха, резиденция которого находится в Тибете.

«Далай-лама, — пишет Рычков, — почитается у тибетцев бессмертным, но якобы перерождающимся, что все сопряжено у них с великим пронырством и обманством для простого народа» (л. 155).

В общей сложности «Лексикон» Рычкова представляет собой замечательную фотографию природы, населения и хозяйства бывшего Оренбургского края третьей четверти XVIII в. В связи с этим для восстановления ландшафтов прошлого он имеет не меньшее значение, чем «Топография».

Рычков намеревался приложить к «Лексикону» карты, но при рукописи их не имеется.

Среди неопубликованных работ большой интерес представляет статья «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые под именем татар разумеются».²

¹ Здесь и далее цитируется по копии, хранящейся в архиве Института истории АН СССР.

² Она хранится в Архиве Академии Наук СССР (разряд II, оп. 1, № 126, лл. 21).

Эта статья — одна из первых работ Рычкова. Она написана в 1749 г. Материал этой статьи впоследствии был использован автором почти полностью в «Топографии». Но в свое время она представляла большой научный интерес. В. Н. Татищев, которому Рычков послал эту статью, говорил о ней как о статье, которая принесла ему большое удовольствие, потому что в ней «много того, что до днесь или не знали, или вовсе смутно разумели».¹

В этой статье Рычков, впервые в мировой литературе, внес ясность в запутанный западноевропейскими учеными вопрос об этническом составе татар. Кроме того, он сообщил довольно подробные и в общем верные сведения о географии населения Средней и частью Центральной Азии середины XVIII в., его численности, а также ряд интересных сведений из физической и экономической географии.

Из прочих неопубликованных работ Рычкова следует назвать «Записку о бывшей князя Александра Бековича в великую Татарию экспедиции».² Эта «Записка» показывает, что Рычков занимался и историко-географическими вопросами. Материал этой статьи использован Г. Ф. Миллером и в работе Ф. И. Соймонова «Описание Каспийского моря»,³ поэтому она ныне не представляет особого интереса, тогда как в то время являлась одной из первых работ такого рода.

Заслуживают внимания «Ответы на 19 вопросов о выхухоли».⁴

Выхухоль, имея ограниченный ареал, довольно долго оставалась неизвестной ученому миру. Рычков в 1759 г. послал в Академию Наук 2 чучела выхухоли с кратким ее описанием.⁵ Но там этим не удовлетворились. Паллас составил специальные вопросы, которые были затем пересланы Рычкову. Последний не замедлил прислать на них ответы, в которых дал подробное описание этого животного.

Письма Рычкова ко многим адресатам, и в частности к Г. Ф. Миллеру, наполнены самыми разнообразными географическими сведениями. Большая часть этих сведений вносилась затем Рычковым в его сочинения, некоторые же из них так и остались неизвестными.

Большой интерес представляют сведения о погоде. Недостаток места не позволяет здесь остановиться на этих сведениях.

Итак, в многочисленных мелких трудах Рычков предстает перед нами прежде всего как географ, давший образец географического описания сельского хозяйства, затем как экономист и естествоиспытатель. В статье «О медных рудах и минералах» он выступает как сторонник ломоносовской идеи развития мира. В «Лексиконе» он еще раз показал себя как страновед, как автор первого в России регионального географического словаря.

Во всех рассмотренных работах Рычков выступает как патриот своей родины, как поборник развития ее производительных сил, самостоятельности и независимости.

Подведем итоги.

П. И. Рычков является выходцем из народа, подлинным русским ученым-самородком. Самоучка, благодаря истинной любви к родине, врожденной любознательности, жажде умственного труда и неутоми-

¹ В. Н. Татищев. Избранные произведения по географии России. 1950, стр. 234.

² Хранится в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (архив Поленова, № 18, лл. 29—35).

³ Ежемес. соч. и перев., 1763, январь—июнь.

⁴ Хранится в ГПБ (архив Поленова, № 18, лл. 53—54).

⁵ ААН, № 236, письма за 1759 г., л. 14.

мого трудолюбия, превратился в крупного ученого, отдавшего науке почти всю свою жизнь. В условиях крепостного права он сумел высчитаться до звания первого в нашей стране члена-корреспондента Академии Наук.

Выходец из народа, он никогда не порывал с ним связи. Связь с широким кругом простых людей и помощь ему с их стороны — характерная черта всей его деятельности. Благодаря этой связи и помощи он сумел подняться на высокую ступень науки, проложить в ней новые пути.

П. И. Рычков как ученый и как географ сформировался в эпоху разложения феодального строя. Его географические концепции корнями своими уходят в первую половину XVIII в. Он является непосредственным преемником идей В. Н. Татищева. В несколько иных, чем В. Н. Татищев, социально-экономических условиях, испытывая плодотворное влияние идей Ломоносова, он сумел двинуть отечественную географию дальше.

П. И. Рычков, наряду с другим замечательным русским ученым С. П. Крашенинниковым, — автор первой в мире региональной работы. Вместе с тем он — автор первого в мире регионального географического словаря, ему же принадлежит идея составления первого в нашей стране регионального географического атласа суши, построенного на математических началах. Географические статьи завершают серию крупных страноведческих работ Рычкова. Вместе с работами по истории Оренбургского края они делают его законченным географом-страноведом и первым в нашей стране краеведом.

Таким образом, с именем Рычкова связана идея страноведческого направления в географии, идея изучения страны в целом через изучение ее отдельных частей. Эту идею Рычков не только сам претворял в жизнь, но и всячески ее популяризировал.

Этой идеей и своим личным примером Рычков оказал большое влияние на дальнейшее развитие географии в России.

Известно, что к моменту выхода «Топографии» общего географического описания России еще не было, несмотря на ряд попыток составить такое описание. «Но... едва остается надежда, чтоб... обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобный Рычкову», — писал Г. Ф. Миллер в 1757 г.¹

«Топография Оренбургская» и другие труды Рычкова ставились в пример того, какими должны быть географические сочинения. Для составления общего географического описания «Топография Оренбургская» «верною и достаточною предводительницею служить может», — писалось в «Ежемесячных сочинениях и переводах».² При описании сельского хозяйства тот же журнал советовал поступать так, как поступал «г. Рычков в письме о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях».³

После неоднократных неудачных попыток со стороны Академии Наук составить общее географическое описание страны с помощью рассылки анкет и специальных экспедиций Сенатом был издан указ

¹ Ежемес. соч. и перев., 1757, март, стр. 228.

² Там же, 1763, март, стр. 269—270.

³ Там же, стр. 287.

(1 ноября 1777 г.) о составлении на местах топографических описаний губерний и наместничеств.¹

Таким образом, дело составления географического описания страны пошло по тому пути, который указывал Рычков. Вскоре появились описания многих губерний и наместничеств, на основании которых было составлено общее географическое описание. Последнее, однако, осталось неизданным.² Авторы этих описаний должны были испытать влияние Рычкова, но им не удалось, судя по опубликованным работам, написать сочинения, равноценные «Топографии Оренбургской».

Влияние Рычкова не ограничилось только Россией. Труды его, особенно «Топография», широко были известны за границей. Вскоре после выхода в свет «Топография» была помещена в извлечениях в переводе на немецкий язык в «Геттингенских ученых ведомостях» (Bd. I, 1766).

Несколько позже перевод первой части был помещен Бюшингом в его «Magasin für die neue Historie und Geographie» (Bd. V, VI). «Перевод описания Оренбургской губернии, — писал Бюшинг в предисловии к V тому, — без сомнения будет принят с удовольствием, так как, по важности этого труда, его давно желали видеть на немецком языке».

В 1772 г. в полном немецком переводе «Топография» вышла отдельной книгой в Риге. В предисловии к этому переводу «Топография» оценена «как сочинение, отличающееся превосходными достоинствами», а ее автор «как усердный желатель раскрытия истины».

Во всей жизни и деятельности Рычкова, в его многочисленных трудах и письмах нельзя не заметить большого духовного родства с его великим современником М. В. Ломоносовым. Многие их взгляды или тождественны, или сходятся весьма близко. Мотивом всей деятельности Ломоносова была борьба за самостоятельность и прогресс русской науки и культуры, борьба за изучение своей страны собственными силами.

Это же характерно и для всей деятельности Рычкова.

Требование изучения своей страны, причем собственными, национальными силами, проходит красной нитью через все его труды и письма. «Не полезно ли б было, — пишет Рычков в «Письмах о земледельстве», — ежели б кто из наших знатных и ученых людей взялся за то, чтобы сие толь нужное дело [земледелие] исследовать и описать так, как оно у нас по состоянию государства с лучшею пользою и с народным облегчением производимо быть может».³ В статье «О медных рудах и минералах» Рычков призывает исследовать и описать рудные месторождения, так как иностранные описания «с состоянием здешних мест не во всем сходственны».⁴ Рычков призывает искусных людей осмотреть Уральские горы, Башкирию, «наполненную всяких таинств», где могут открыться крупные богатства. Он верит, что в Оренбургской губернии, наряду с известными многочисленными рудными ископаемыми, «в разных местах сысканы быть могут» каменные угли, если приложится к этому старание. Для поисков каменных

¹ А. И. Андреев. Топографические описания и карты сибирских наместничеств... Вопросы географии, сб. 17, 1950, стр. 204.

² Там же.

³ Ежемес. соч. и перев., 1758, май, стр. 431.

⁴ Тр. ВАО, ч. VI, 1766, стр. 33.

углей он просит Я. Я. Штелина прислать ему специальное наставление.¹ Призыв изучать свою страну Рычков повторяет почти в каждой своей работе.

Призывая к изучению экономики страны, Рычков подчеркивал, что «иностранные описания во многом несходственны и бесполезны...», а «наше собственное сочинение общим для всей империи быть не может». Экономическое описание, по Рычкову, надо «основать на том, какое где свойство земель, качество погод и воздуха, и применяясь к тому, каким образом истари пахотные люди в том упражняются, к пользе и поправлению оного приобщить свои примечания».²

Сам Рычков в дело географического изучения своей страны внес исключительно большой вклад, и в этом следует видеть его великую заслугу перед родиной.

Подобно Ломоносову, Рычков верил в неисчерпаемые богатства своей страны, боролся за ее экономическую самостоятельность.

Труды Рыčkова сыграли выдающуюся роль в борьбе с иностранным засильем в русской науке. В его время многие ученые писали почти исключительно на иностранных языках. Рычков же пишет только на русском языке. Больше того, он, по его выражению, «никогда без крайней нужды...инозычных слов не употреблял и всегда старался в лучшее сведение наших придти». Труды Рыčkова были одними из первых научных сочинений, опубликованных на русском языке. Ему было чуждо какое бы то ни было преклонение перед Западом.

Рычков получал неоднократные предложения от заграничных ученых и ученых обществ и издательств сообщать им свои сочинения. На это он отвечал отказом или передавал эти предложения на рассмотрение Академии Наук.³ И это было тогда, когда П. Г. Демидов печатает свои труды по минералогии в Германии, а не в России, Д. А. Голицин стал председателем Иенского минералогического общества и завещал ему свой минералогический кабинет. Г. К. Разумовский основывает в Лозанне Общество физических наук, а под конец жизни принимает австрийское подданство».⁴ Рычков враждебно относился к таким ученым. «Мое почтение усугубляется всегда к тем, кои к отечеству моему усердствуют», — писал он. Рычков даже на письма Г. Ф. Миллера, писанные по-немецки, отвечал только на русском языке. «На сим, яко природном языке, свободнее писать», — оправдывался он. А ведь он прекрасно владел немецким языком и сделал с него даже несколько переводов.

Во всем этом нельзя не заметить выражения чувства национального достоинства, которое было ведущим принципом всей его деятельности.

Географические труды Рыčkова имеют громадное значение для восстановления ландшафтов прошлого на большой территории нашей страны. Методика построения страноведческой работы, генерализация в отборе материала, комплексность описания, связь с историей, с человеческой практикой, описание в географической работе населения — достоинства трудов Рыčkова, сохраняющие известное значение до сих пор.

¹ Зап. АН, 1765, т. VII, стр. 124.

² Ежемес. соч. и перев., 1758, май, стр. 431.

³ См., например, его письмо к Г. Ф. Миллеру от 1 сентября 1767 г. (ААН, № 237, письма за 1767 г., л. 11).

⁴ Т. И. Райнов. Русское естествознание второй половины XVIII в. и Ломоносов. Сб. «Ломоносов», 1940, стр. 336.

Вместе с тем труды Рычкова имеют большое патриотическое значение, они свидетельствуют о высоком уровне русской географической науки в XVIII в., о ее приоритете в страноведческом направлении, в методике построения страноведческих работ.

В дореволюционной русской географии существовало мнение,¹ что до Бюшинга в географии имела место лишь голая номенклатура и что Бюшинг первым ввел в нее описание естественного, промышленного и политического состояния страны. «Топография» Рычкова и «Описание Земли Камчатки» Крашенинникова опрокидывают такое мнение. Обе эти работы написаны до появления трудов Бюшинга, и как в теоретическом отношении, так и в части методики построения они стояли намного выше последних. В установлении приоритета русской географии Рычкову принадлежит одно из ведущих мест.

Труды Рычкова вошли в золотой фонд классической русской географии. Его «Топография» долгое время служила непревзойденным образцом страноведческой работы. Ею пользовались до недавнего времени, а иногда и теперь пользуются все те, кто занимался и занимается изучением географии и истории бывшего Оренбургского края. Ею пользовался Пушкин как основным пособием для знакомства с Оренбургским краем при работе над «Историей Пугачева», она вся расписана по пяти томам «Географо-статистического словаря» П. П. Семенова, ссылки на нее можно встретить в современных географических и исторических работах.

«Топография Оренбургская» переиздавалась в 1880 г. (1-я часть вместе с картами), в 1887 г. (полное переиздание, но без карт и без комментариев) и в 1949 г. (сокращенное переиздание с краткими примечаниями Ф. Н. Милькова).

За время, прошедшее после смерти Рычкова, здание географической науки неизмеримо выросло. Но мы чтим память того, кто в него вложил первые прочные камни. Имя П. И. Рычкова дорого советским географам как имя великого труженика, как человека, который с подлинным бескорыстием отдавал всего себя делу родной науки, как патриота, в котором чувство национального достоинства было ведущим принципом всей его деятельности, как ученого, с именем которого связан приоритет отечественной географии в мировой науке.

СПИСОК НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ П. И. РЫЧКОВА

1. Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских и по сказкам бывших в тех местах людей к рассмотрению обстоятельного о сих народах описания. ААН, разр. II, оп. 1, № 126, лл. 1—21.
2. Мнение о распространении оренбургской коммерции в дальние азиатские страны и о средствах, к тому надлежащих. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Рукоп. отдел, архив Поленова, № 18, лл. 42—50.
3. Записка о бывшей князя Александра Бековича в великую Татарию экспедиции. Там же, лл. 29—35.
4. Ответы на 19 вопросов о выхухоли. Там же, лл. 53—54.
5. Опыт на задачу о Чермной России. Там же, лл. 40—41.
6. Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии. Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Рукоп. отдел, М., 2931. Копия в Библиотеке Ленинградск. отд. Инст. истории АН СССР, Рукоп. отдел, фонд Воронцовых, № 521.

¹ Л. Весин. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времени Петра Великого по 1876. СПб., 1876, стр. 28.

7. Продолжение «Истории Оренбургской». Местонахождение не известно.
8. Известие об уходе калмыков в 1771 г. Местонахождение не известно.
9. Описание восстания Стеньки Разина в Астрахани. Местонахождение не известно.
10. Описание, из чего и как делается рыбий клей. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Рукоп. отдел, архив Поленова, № 18, лл. 55—56.
11. Краткий экстракт о башкирском народе. Там же, *F. IV. 44*, л. 2, стр. 1—58. Копия в Гос. Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, ф. Паниных, XII, лл. 3—26.
12. Экстракт о киргиз-кайсацком народе. Там же. Копия в Гос. Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, ф. Паниных, XI, лл. 10—139; XII, лл. 83—94, 105—139.
13. Описание соляных озер Оренбургской губернии. 1744 (?).

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ П. И. РЫЧКОВА

1. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, чч. I и II, СПб., 1762. То же в «Сочинениях и переводах» за январь—ноябрь 1762 г. То же в издании Оренбургского отдела Русского Географического общества (Оренбург, 1887). Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова. Оренбург, 1880.
2. История Оренбургская. Ежемес. соч. и перев., январь—декабрь, 1759. То же, Оренбург, 1896. То же в газете «Оренбургский листок», 1895—1896.
3. Письма о коммерции. Письмо первое. Ежемес. соч. и перев., 1755, февраль, стр. 105—122.
4. Письма о коммерции. Письмо второе. Там же, апрель, стр. 307—338.
5. Письма о коммерции. Письма третье и четвертое. Там же, декабрь, стр. 493—515.
6. Письмо о упражнении в деревенском житии. Там же, 1757, ноябрь, стр. 405—430.
7. Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. Там же, 1758, май, стр. 427—446.
8. Продолжение письма о земледельстве в Казанской и Оренбургской губерниях. Там же, июнь, стр. 507—550.
9. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается. Там же, 1760, март, стр. 195—220.
10. О титуле белого царя. Там же, 1763, август, стр. 120—133.
11. Опыт о козьей шерсти. Тр. ВЭО, ч. II, 1766, стр. 63—68.
12. О мануфактуре из хлопчатой бумаги и из верблюжей шерсти. Там же, стр. 89—101.
13. Дополнение о козьей шерсти. Там же, ч. III, стр. 106—116.
14. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии. Там же, ч. IV, стр. 30—56.
15. Представление относительно применения в винном курении сыворотки для уменьшения расходов хлеба. Там же, ч. V, 1767, стр. 43—45.
16. Опыт винного курения на домашний расход. Там же, стр. 46—59.
17. О деле юфтей. Там же, стр. 70—77.
18. О содержании пчел. Там же, стр. 150—196.
19. Примечание о прежнем и нынешнем земледелии. Там же, ч. VI, стр. 56—68.
20. О кашенили и червце. Там же, стр. 69—83.
21. О сбережении и размножении лесов. Там же, стр. 84—112.
22. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии. Там же, ч. VII, стр. 1—25.
23. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии. Там же, стр. 111—212.
24. О рассмотрении самородно растущих трав и семян. Там же, ч. VIII, 1768, стр. 67—74.
25. Первое предложение о пчелах. Там же, ч. IX, стр. 1—27.
26. Способ к винному курению на домашний расход. Там же, стр. 61—72.
27. О травяных корешках и семенах, пригодных к винной сидке. Там же, стр. 75—82.
28. О горючей угольной земле. Там же, стр. 83—91.
29. Выпись из разных писателей о пчелах и краткие об них примечания. Там же, стр. 139—163.
30. Прибавление о кошенили и червце. Там же, стр. 164—173.
31. Третье предложение о пчелах. Там же, ч. XI, 1769, стр. 1—34.

32. О травяном пухе и о домашнем его употреблении вместо хлопчатой бумаги и пр. Там же, ч. XIII, стр. 44—53.
33. О краске из травы кипрейника и о пухе из той же и еще из другой травы в прибавление к прежнему. Там же, стр. 54—64.
34. О урожаи хлеба. Там же, стр. 100—105.
35. О урожаи хлеба. Дополнение к прежнему. Там же, стр. 106—112.
36. О стручках перешных. Там же, ч. XV, 1770, стр. 66—70.
37. О крапивной куделе и о употреблении ее в пряжу и в другие экономические надобности. Там же, стр. 71—75.
38. О размножении российского червеца. Там же, стр. 82—87.
39. Наказ для управителя или приказчика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина. Там же, ч. XVI, стр. 9—68.
40. О пряже из ветошек и тряпич и о употреблении оной в разные рукоделия. Там же, ч. XVII, 1771, стр. 167—174.
41. О крапивном холсте. Там же, ч. XVIII, стр. 215—222.
42. Описание илецкой соли, прежнего и нынешнего ее добывания, а при том и об отправлении оной сухопутно и водою в разные места. Там же, ч. XX, 1772, стр. 24—61.
43. Способ к сбережению съестных вещей от повреждения и гнилости. Там же, ч. XXIV, 1773, стр. 171—177.
44. О спирте из вербовых цветов и из травы, называемой воробьиной. Там же, стр. 178—184.
45. О приготовлении в пищу во время крайней нужды говяжьих и бараньих кож. Там же, ч. XXV, стр. 119—129.
46. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767, стр. 196.
47. Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов, а во второй о покорении сего царства под державу российских монархов. М., 1774, стр. 76.
48. Описание осады Оренбурга. А. С. Пушкин, Соч., т. 9, 1938, стр. 206—355.

ЛИТЕРАТУРА О П. И. РЫЧКОВЕ

1. Бак И. С. Экономические воззрения П. И. Рычкова. Ист. зап. АН СССР, № 16, 1945.
2. Витевский В. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., I—IV. Казань, 1897.
3. Витевский В. П. И. Рычков, первый корреспондент Академии Наук. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанск. унив., 1899, т. XV, вып. 1—2.
4. Каратаев Н. К. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в. Вестн. АН СССР, 1950, № 3.
5. Мильков Ф. Н. Естествоиспытатели Оренбургского края. Чкалов, 1948.
6. Мильков Ф. Н. П. И. Рычков. География, 1953.¹
7. Пекарский П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
8. Попов А. Петр Иванович Рычков. Тр. Оренбургск. уч. арх. ком., вып. XXXIII, 1916.

¹ Эта книга вышла из печати после сдачи настоящего сборника в набор, а потому не могла быть использована автором. Редакция.